

Ковалев Павел Анатольевич

РОЛЬ ГРАФОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СУДЕБНОМ ПОЧЕРКОВЕДЕНИИ

В статье предпринята попытка переосмысления роли графологии в судебном почерковедении. Данная позиция исходит из анализа как собственно графологической, так и криминалистической литературы, показывающего, что даже в ранних работах по графологии можно увидеть множество заслуживающих внимания мыслей, имеющих методический характер. Показано, что судебное почерковедение много позаимствовало у графологической теории: описание общих признаков почерка, понятие частоты встречаемости признака, тезис о неотделимости письма от цели и содержания и необходимости изучения условий выполнения рукописи, направление исследования рукописи (от общих к частным признакам почерка) и т.д.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 71-75. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

В обоих спектаклях видно, что актеры и режиссеры пытались найти адекватное выражение образному гоголевскому языку, и можно утверждать, что московскому театру эта попытка удалась значительно лучше.

Сравнение этих спектаклей еще раз убеждает в необходимости дальнейшего освоения русской школы психологического искусства для развития современного корейского театра.

Список литературы

1. Гоголь «Записки сумасшедшего» – анализ [Электронный ресурс] // Русская историческая библиотека. URL: rushist.com/index.php/literary-articles/2833-gogol-zapiski-sumasshedshego-analiz (дата обращения: 22.02.2016).
2. Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/gogol/zapiski.txt&page=0> (дата обращения: 22.02.2016).
3. Гончаров А. А. Мои театральные пристрастия. М.: Искусство, 1997. Кн. 1. 334 с.
4. Давыдова М. Поприщин и его тени [Электронный ресурс] // Известия. 2004. 15 сентября. URL: <http://izvestia.ru/news/294161> (дата обращения: 22.02.2016).
5. Паймакова Р. Мастерская Петра Фоменко / Моноспектакль Анатолия Горячева «Он был титулярный советник» (по повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kino-teatr.ru/teatr/art/teatr/1050/> (дата обращения: 22.02.2016).
6. Петров Н. Актер и сценический образ. Л.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1935. 98 с.
7. Солдатов М. В. Становление национальной прозы в Коре в первой четверти XX века [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2004. URL: <http://www.dissertat.com/content/stanovlenie-natsionalnoi-prozy-v-koree-v-pervoi-chetverti-xx-veka> (дата обращения: 22.02.2016).
8. Станиславский К. С. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Искусство, 1954. Т. 3. 550 с.
9. Чехов М. Литературное наследие: в 2-х т. М.: Искусство, 1986. Т. 2. 560 с.
10. 소극장 운동 측면사, 공간, 1975, 9 월호. (Ким Ён Тэ. Иной взгляд на историю движения малых театров // Пространство: журнал. Сеул, 1975. Сентябрь.)
11. 유민영, 카페 데아뜨의 연극사적 위상, 카페데아뜨르, 한국미술가협회, 1998. (Ю Мин Ён. Положение кафе-театра в театральной истории // Кафе-театр. Сеул: Ассоциация «Корейская сценография», 1998.)

IMPORTANCE OF THE RUSSIAN THEATRICAL SCHOOL FOR DEVELOPMENT OF THE MODERN KOREAN THEATRE

Kim Soo Jin

Russian University of Theatre Arts
trotz2007@naver.com

The article examines the importance of the Russian theatrical school for the modern Korean theatre. Contrary to Russian art, which tends to deeper psychologism, Korean art has hardly ever practiced the real depth of a personage's psychological presentation. Analyzing Korean and Russian mono-performances based on N. V. Gogol's "Diary of a Madman" the author concludes on the necessity for the further adoption of the Russian psychological art school to develop the modern Korean theatre.

Key words and phrases: Korean theatre; mono-performance; portrait; psychological theatre; "Diary of a Madman"; "P. Fomenko's Workshop".

УДК 343.98

Юридические науки

В статье предпринята попытка переосмысления роли графологии в судебном почерковедении. Данная позиция исходит из анализа как собственно графологической, так и криминалистической литературы, показывающего, что даже в ранних работах по графологии можно увидеть множество заслуживающих внимания мыслей, имеющих методический характер. Показано, что судебное почерковедение много позаимствовало у графологической теории: описание общих признаков почерка, понятие частоты встречаемости признака, тезис о неотделимости письма от цели и содержания и необходимости изучения условий выполнения рукописи, направление исследования рукописи (от общих к частным признакам почерка) и т.д.

Ключевые слова и фразы: графология; письмо; почерк; признак почерка; судебное почерковедение.

Ковалев Павел Анатольевич

Волгоградская академия МВД России
kovalevpavel71@gmail.com

РОЛЬ ГРАФОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СУДЕБНОМ ПОЧЕРКОВЕДЕНИИ

Современное состояние знаний в любой сфере, как представляется, базируется на «фундаменте» предшествующих исследований. Полагаем, это можно отнести и к такой части криминалистических знаний, как судебное почерковедение. Неоценимую роль предшествующих исследований в процессе познания справедливо

отметил Р. С. Белкин, словами которого мы и начнём рассмотрение роли графологической теории: «Наука развивается непрерывно, постепенно накапливая знания, опираясь на достигнутое... Именно в силу кумулятивного характера процесса познания, поскольку научная мысль не может двигаться по воле случая, хаотически, алогично, а идет вперед строго логическим путем, от простого к сложному, каждая возникающая научная концепция опирается на предшествующие теоретические построения. Криминалистическая концепция не является в этом отношении исключением» [2, с. 169].

Графология – учение об определении характера человека по почерку. Данное учение «сложилась как отрасль психологии, часто называемой психологией личности, или индивидуальной психологией» [18, с. 21].

Краткий очерк развития экспертизы письма в криминалистической литературе показывает, что графологическое направление возникло раньше каллиграфической экспертизы, приметоописательного и графометрического методов. История возникновения данного направления, по данным ученых, относится к периоду Сан (древний Китай) и времени правления императора Нерона [19, с. 33; 20, с. 26].

Следует отметить, что графологическая теория еще в начале XX века подвергалась критике, иногда довольно резкой, со стороны ученых и, прежде всего, криминалистов. Так, известный швейцарский криминалист Р. А. Рейсс, говоря о возможностях по почерку определять черты характера и другие индивидуальные особенности человека, отмечал, что «закключения этих лиц в громадном большинстве случаев носят случайный характер и научно не обоснованы, хотя и было несколько попыток поставить графологию на научную основу» [21, с. 118].

Более рациональной позиции, на наш взгляд, придерживался Е. Ф. Буринский. Ученый определял психографологию как область знаний, «угадывающую по почерку характер» исполнителя рукописи [4, с. 48]. Тем не менее, отдавая должное более ранним исследованиям, в том числе графологическим, ученый писал, что «знакомство с литературой психографологии необходимо для лиц, желающих изучать почерки» [Там же, с. 243]. Видимо, Е. Ф. Буринский исходил из позиции, обозначенной выдающимся русским ученым И. М. Сеченовым: «Да, кому дорога истина вообще, т.е. не только в настоящем, но и в будущем, тот не станется нагло ругаться над мыслью, проникшей в общество, какой бы странной она ему не казалась» [Цит. по: 1, с. 158].

Критическое восприятие графологической теории было характерно и для СССР. В работах ведущих советских ученых-криминалистов графология подвергается резкой критике, которая была обозначена как «ненаучное, реакционное направление в буржуазной теории» [18, с. 44].

Однако, как представляется, критикуя графологию, мы должны учитывать ряд существенных моментов.

Во-первых, графология возникла за рубежом, и данные о таких работах мы находим в других источниках, изданных уже в конце XIX – начале XX в. или XXI в., в которых зачастую содержатся лишь общие положения или несколько цитат. О работах многих графологов нам неизвестно практически ничего. Например, о трактате Бальдо (Бальди) («Рассуждение о способе узнавать обычаи и качества писавшего по его письму») (по данным Е. Ф. Буринского), «О способах узнать образ жизни, характер и личные качества человека по письму») (по данным Л. А. Винберга), «О том, как по письму можно узнать характер и свойства пишущего») (по данным И. Моргенштерна)) пишут как графологи, так и ученые-криминалисты, но лишь в трудах Е. Ф. Буринского и Ч. Ломброзо мы нашли две цитаты из данной работы. В остальных источниках, как правило, имеется указание о том, что это первая работа по графологии, в основу которой была взята пословица «по когтям узнают льва», не более того.

Во-вторых, как уже было сказано выше, данные о графологии мы находим в других источниках. В связи с этим нельзя не учитывать как особенности перевода, так и искажение действительности. Например, Ш. Ландау, говоря о работах Мишона, пишет, что «ни одна из его книг не была переведена на английский», а описания «графологии Мишона, сделанные авторами немецкой школы, доступны англоязычным читателям, но эти описания основаны на полуправде, взятой из вторичных источников» [11, с. 15]. Кроме того, как подчеркивает данный автор, сам Крепье-Жамен «далеко не всегда корректно передавал идеи своего знаменитого предшественника» [Там же, с. 16]. Уже вышеуказанный трактат Бальдо (Бальди) в различных источниках имеет различную интерпретацию названия.

В-третьих, нельзя не учитывать и уровень развития как науки в целом, так и частных наук, в частности, эмпирического периода формирования графологической теории. Как указывал Е. Ф. Буринский, в XIX веке, не говоря уже о XVII-XVIII вв., научное исследование почерка находилось в «зачаточном состоянии» [4, с. 48]. По данным ученого, представитель этой отрасли знания «лишен возможности ссылаться на положения, выработанные и установленные наукой, или опираться на мнения авторитетных ученых, а единственной пособницей графологу служит логика» [Там же, с. 24]. Как ёмко отметил А. А. Леонтьев, графологическая теория, в своём стремлении связать графику письма с некоторыми психическими отклонениями личности пишущего, намного опережала «научное обоснование подобной связи, превращая графологию в технику толкования психических особенностей пишущего по почерку, чрезвычайно произвольную и субъективную» [14, с. 22].

Думается, однако, что говорить исключительно о работах всех графологов в таком ключе не стоит. Например, по данным G. Ingrosso, авторами первых трудов, которые рассматривали почерк, как инструмент для понимания характера и личных качеств пишущего, были 3 профессора университета: Просперо Альдеризио из Неаполя, который в 1611 году написал монографию «*Ideographicus nuntius*», посвященную идеографии; Камилло Бальди из Болоньи, который в 1622 написал «*Trattato come da una lettera missiva si conoscano la natura e la qualità di uno scrittore*» («Как узнать природу и качества человека, взглянув на букву, которую он написал»); Марко Аурелио Северино из Неаполя, который в 1656 написал «*Vaticinator, sive tractatus de divinatione litterali*», т.е. трактат об интерпретации букв [24, р. 24]. Данные авторы, а они были учеными, вряд ли рассматривали определённые зависимости между почерком и свойствами исполнителя рукописи «чрезвычайно произвольно и субъективно», о чем свидетельствуют цитаты из работы Бальди, о которых будет сказано далее.

Кроме того, анализ трудов по графологии показывает, что в них содержится целый ряд положений, которые ученые называют методическими.

Так, в монографии Е. Ф. Буринского имеется указание на то, что в 1609 г. была опубликована книга *François Demelle*, в которой автор попытался опровергнуть мнение о том, что случайные обстоятельства, в том числе пишущий прибор и неудобная поза, способны сделать почерк неузнаваемым. По мнению *Demelle*, в каждом почерке сохраняются особенности, присущие только самому пишущему [4, с. 222].

Примечательно, что Л. А. Винберг, говоря о естественных изменениях письма, указывает на избирательное влияние «сбивающих» обстоятельств на почерк. При изменении внешней обстановки письма (в том числе и факторов, указанных *Demelle*), пишет ученый, частные признаки почерка – форма движений при выполнении и соединении букв, направление движений и относительное направление сгибательных движений, последовательность движений, относительное размещение точки начала движений при выполнении письменных знаков и их элементов – существенных изменений не претерпевают [5, с. 134-136]. В целом, делает вывод Л. А. Винберг, «нарушение признаков, связанное с необычными условиями, не препятствует установлению исполнителя» [Там же, с. 138].

Один из первых авторов трудов по графологии Бальдо (Бальди) писал о том, что для исследования почерка «нужно иметь на руках настоящие образцы его письма, в особенности личные письма, и убедиться, что они были написаны в нормальных условиях» [Цит. по: 25, р. 2]. Следует отметить, что В. Ф. Орлова и Л. А. Сысоева, отмечая важность трудов С. М. Потапова, указывают на положения методического значения, содержащиеся в работах данного ученого, в том числе выделения в качестве первоначального момента суждения эксперта об условиях выполнения исследуемой рукописи [18, с. 67; 23, с. 21]. Но и в работе Бальдо (Бальди) есть прямое указание на момент суждения об условиях выполнения рукописи, который в настоящее время является одним из обязательных этапов почерковедческого исследования [5, с. 134]. Кроме того, из слов Бальдо (Бальди) следует также предположение на оценку влияния факторов, которые в настоящее время называются «сбивающими», на процесс письма.

Более того, по данным Е. Ф. Буринского, Бальдо (Бальди) настаивал на необходимости принимать во внимание содержание исследуемой рукописи и исключал из «графологического материала стихи, рукописи научного содержания и т.п.» [4, с. 221]. Полагаем, что эта же мысль просматривается в словах, которые были озвучены уже в XX веке авторами учебного пособия по криминалистике 1938 года: «В действительности почерк неотделим от письма, как и письмо неотделимо от цели и содержания. Поэтому научное исследование почерка должно состоять в изучении его как целостной системы движений, выраженной в целесообразном сочетании письменных знаков для изображения определенных понятий» [9, с. 271].

Следует отметить, что рассуждения Бальдо (Бальди), на наш взгляд, являются весьма прогрессивными для XVII века.

Основатель графологической школы Мишон, по данным Ш. Ландау, разработал систему признаков, которая является основой для современной графологии. В этой системе лишь незначительная часть характеристик представлена простым графическим признаком; большинство же характеристик описываются группами графических признаков, объединёнными в комплекс. Кроме того, данный исследователь вводит такие понятия, как интенсивность и частота встречаемости признака [12, с. 17-18].

В настоящее время в судебном почерковедении на основе частоты встречаемости определяется идентификационная значимость частного признака почерка: чем реже частота встречаемости, тем выше его идентификационная значимость, тем большую ценность он представляет для идентификации. На основе оценки идентификационной значимости выявленной совокупности признаков и формируется вывод эксперта [5, с. 118].

Интересно отметить, что Мишон называл графологию наукой. Принципиальное отличие своих трудов, по мнению данного автора, от тех, что были написаны ранее, заключалось в исследовании почерка по строгим правилам и наличии метода, подлежащего обязательной экспериментальной проверке. «Когда мы говорим “наука”, мы подразумеваем необходимость строгих правил, наличие метода, основанного на опыте; принципы и законы, производные от природы изучаемого явления», – отмечал Мишон [Цит. по: 12, с. 14].

Сам Мишон понимал, что его работы лишь небольшая часть последующих исследований в данной сфере. При этом, по данным автора, наука должна «постоянно развиваться и совершенствоваться», и если этого не происходит, то она «не может называться наукой» [13, с. 19].

Другой известный французский графолог Крепье-Жамен утверждал, что индивидуальность почерка зависит не только от психологических особенностей пишущего, но и от физиологических, а также многих других характеристик. Кроме того, по мнению Лафатера, которое позднее было поддержано Крепье-Жаменом, существует такое понятие, как национальный почерк [25, р. 4]. Поскольку каждая нация, каждая раса имеет характерные отличия, то они должны находить свое выражение и в почерке [10].

Думается, что данная мысль получила подтверждение исследованиями, проведёнными А. Р. Лурией. По данным ученого, письмо в разных языках строится по различным принципам: «Если в русском языке письмо строится в основном по фонетическому принципу (т.е. записывается звуковой состав слова), то в других языках (например, китайском) письмо имеет совсем иной, идеографический характер (т.е. специальными знаками обозначаются целые понятия); наконец, в третьих языках (например, французском или английском) письмо имеет смешанный характер, частично строясь на фонетической основе, частично же на основе условной транскрипции... Все это заставляет думать, что и психофизиологические механизмы письма на таких столь различных языках должны быть неодинаковы» [15, с. 57].

Интересно также отметить, что популяризатор графологии, известный физиогномист и поэт Лафатер в книге «Физиогномические фрагменты» (вторая половина XVIII века) утверждал, что почерк – такая же особенность личности, как ходьба или речь [Там же, с. 14]. Удивительно, но точно такую же характеристику почерку даёт в XX веке советский психолог Е. В. Гурьянов: «Почерк взрослого оказывается такой же характерной особенностью его, как и его походка, мимика, жесты и другие привычные движения» [6, с. 20]. Однако еще никто не относил Е. В. Гурьянова к числу сторонников графологической теории.

Кроме того, в работе Ч. Ломброзо «Графология», опубликованной в 1895 году в Италии, просматривается системность в исследовании почерка. Так, автор приводит схему (стадии) графологического исследования почерка: «общие признаки, частные признаки и следствия», т.е. сначала исследуются общие признаки, после этого – частные и только затем – «следствия» (выводы). При этом частные признаки требуют более тщательного и долгого наблюдения [25, р. 18].

Ч. Ломброзо подчеркивает, что один и тот же признак может иметь различную интерпретацию. Например, дрожащий почерк может говорить не только о нерешительности, но и о старости или болезни [Ibidem, р. 30-31].

Примечательно, что современные ученые-криминалисты, говоря о важности трудов С. М. Потапова для судебного почерковедения, отмечают, что в них содержатся методические положения, в том числе определение направления исследования от общего к частному, т.е. исследование общих признаков должно предшествовать изучению мелких особенностей [18, с. 67].

В. Ф. Орлова оценивает влияние графологической теории на судебное почерковедение в целом как положительное. Это положительное влияние, по мнению ученого, заключалось в следующем:

- графология привлекла внимание криминалистов к зависимости почерка от свойств личности – анатомических, физиологических, психологических;
- графологи описали многие общие признаки почерка, которые использовали криминалисты;
- графологи попытались экспериментально выявить зависимости между признаками почерка, биомеханическими характеристиками и отдельными свойствами личности [17, с. 32-33; 18, с. 44].

Отдавая должное графологии, ученые называют графологическое направление «основой неидентификационных исследований в судебном почерковедении» [20, с. 26]. Так, М. В. Бобовкин, описывая становление и развитие судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии, указывает, что криминалистические знания в области диагностирования психопатологического состояния человека по признакам письма своё изначальное развитие обрели на базе трудов графологов и сторонников данного учения в естествознании [3, с. 58].

На современном этапе развития судебного почерковедения, когда усилилось внимание к судебно-почерковедческой диагностике, в том числе и по причине снижения критического настроя в отношении графологии, возникла «потребность осмыслить опыт графологов и попытаться поставить исследования почерка с целью определения личностных свойств писавшего на научную основу» [22, с. 78]. Ряд ученых говорят и о «правильном» отношении к современной графологии [7, с. 17].

Об осмыслении опыта графологов, как представляется, свидетельствует использование авторами методики 2010 года по установлению пола исполнителя рукописи по признакам почерка, взятым, по данным ученых, из работ по графологии [8, с. 13]. Кроме того, такая потребность важна тем, что в литературе имеются сведения об использовании графологических исследований почерка для получения всесторонних данных о личности преступника с целью раскрытия и расследования преступлений. Такие примеры можно найти в трудах, как графологов, так и криминалистов [10; 16, с. 331].

Таким образом, судебное почерковедение, сам термин которого был введен Е. Ф. Буринским лишь в 1903 году, достаточно много позаимствовало у графологической теории. Это позволяет предположить, что данная теория в совокупности с каллиграфической экспертизой, приметоописательным и графометрическим методами послужила основой для развития судебного почерковедения.

Список литературы

1. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. 195 с.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. 768 с.
3. Бобовкин М. В. Теория и практика судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии: дисс. ... д.ю.н. Волгоград, 2005. 412 с.
4. Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М.: ЛексЭст, 2002. 410 с.
5. Винберг Л. А., Шванкова М. В. Почерковедческая экспертиза / под ред. Р. С. Белкина. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1977. 206 с.
6. Гурьянов Е. В. Психология обучения письму. Формирование графических навыков письма. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 263 с.
7. Жижина М. В., Орлова В. Ф., Смирнов А. В. Диагностика факторов, определяющих формирование почерка // Теория и практика судебной экспертизы: научно-практический журнал. 2010. № 2 (18). С. 16-26.
8. Жижина М. В., Орлова В. Ф., Смирнов А. В. Установление пола по почерку в современных условиях: проблемы и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы: научно-практический журнал. 2010. № 3 (19). С. 12-30.
9. Зицер Е. У., Терзиев Н. В., Бобров Н. А. и др. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений: учебное пособие / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1938. 540 с.
10. Ищенко Е. П. Поговорим о графологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 02.12.2013).
11. Ландау Ш. Мишон и рождение научной графологии // Научная графология: международный графологический журнал на русском языке. 2010. № 12. С. 14-21.

12. Ландау Ш. Мишон и рождение научной графологии // Научная графология: международный графологический журнал на русском языке. 2011. № 1. С. 13-21.
13. Ландау Ш. Мишон и рождение научной графологии // Научная графология: международный графологический журнал на русском языке. 2011. № 2. С. 13-19.
14. Леонтьев А. А., Шахнарович А. М., Батов В. И. Речь в криминалистике и судебной психологии / Акад. наук, Ин-т языкознания. М.: Наука (Гл. ред. вост. лит.), 1977. 60+2 с.
15. Лурья А. Р. Письмо и речь: нейролингвистические исследования: учеб. пособие. М.: Академия, 2002. 352 с.
16. Моргенштерн И. Психографология. СПб.: Питер, 1994. 350 с.
17. Орлова В. Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. М.: Наука, 2006. 207 с.
18. Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации. М.: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 428 с.
19. Почерковедение и почерковедческая экспертиза / под ред. В. В. Серегина. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 352 с.
20. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: курс лекций / под ред. В. В. Серегина. Волгоград: ВА МВД России, 2002. 228 с.
21. Рейсс Р. А. Научная техника расследования преступлений: курс лекций, прочтенных в г. Лозанне проф. Рейссом чинам рус. судеб. ведомства летом 1911 г. / под ред. С. Н. Трегубова. СПб.: Сенат. типография, 1912. 178 с.
22. Судебно-почерковедческая экспертиза: общая часть: теоретические и методические основы / под ред. В. Ф. Орловой; Гос. учреждение Рос. федер. центр судеб. экспертизы при Минюсте России. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 2006. 544 с.
23. Сысоева Л. А. Теория и практика судебно-почерковедческой экспертизы на рубеже XXI века: дисс. ... к.ю.н. СПб., 2003. 216 с.
24. Ingrosso G. La grafologia come metodo interpretative. Collana del laboratorio di ricerca sociale dipartimento di scienze sociali università di Pisa, 2008. 80 p.
25. Lombroso C. Grafologia. Milano, 1895. 245 p.

ROLE OF GRAPHOLOGICAL THEORY IN FORENSIC HANDWRITING ANALYSIS

Kovalev Pavel Anatol'evich

*Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
kovalevpavel71@gmail.com*

The article attempts to rethink the role of graphology in forensic handwriting analysis. This position comes from the study of both graphological proper and criminalistic literature showing that even in early works on graphology one can see plenty of thoughts, which deserve attention and have a methodological character. It is shown that forensic handwriting analysis has borrowed a lot from graphological theory: the description of the general features of handwriting, the notion of the frequency of a feature occurrence, the thesis on the inseparability of writing from purpose and content and the necessity of examining the conditions of writing a manuscript, the direction of the manuscript research (from general to specific features of handwriting), etc.

Key words and phrases: graphology; writing; handwriting; feature of handwriting; forensic handwriting analysis.

УДК 172

Философские науки

В статье рассматриваются различные модели «хорошего общества»: либеральная модель (Дж. Гэлбрейт), коммуитаристская модель (А. Этциони), отечественная модель (В. Г. Федотова). Автор предполагает, что «хорошее общество» – актуальный социальный нормативный идеал. Парадоксальность такого идеала заключается в том, что он принципиально достижим. В постмодернистском мире «хорошее общество» имеет преимущество перед различными вариантами социальных утопий, однако популяризация данного концепта требует осуществления типизации хорошего.

Ключевые слова и фразы: «хорошее общество»; социальная нормативность; нормативный идеал; утопия; воспроизводство; достижимость; логика меньшего зла.

Коваль Екатерина Александровна, к. филос. н.

Средне-Волжский институт (филиал)

*Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске
nwifesc@yandex.ru*

«ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО» КАК НОРМАТИВНЫЙ ИДЕАЛ

*Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта
«Нормативные основания “хорошего общества”» (грант Президента РФ МК-5295.2016.6).*

Человек не может жить вне общества, но и жизнь в обществе, непригодном для полноценного функционирования (в атмосфере страха, тотального насилия, нестабильности и т.п.), не может быть названа нормальной. Следовательно, у человека нет иного выхода, кроме как содействовать формированию общества, пригодного для жизни. Это не просто волевая и благородная деятельность, это – условие выживания индивида.